

ПУШКИНСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

Н.А. Раевский

ПОРТРЕТЫ ЗАГОВОРИЛИ

Пушкин, Фикельмон, Дантес

Пушкинская библиотека

Николай Раевский

**Портреты заговорили.
Пушкин, Фикельмон, Дантес**

«ВЕЧЕ»

1976

Раевский Н. А.

Портреты заговорили. Пушкин, Фикельмон, Дантес /
Н. А. Раевский — «ВЕЧЕ», 1976 — (Пушкинская библиотека)

ISBN 978-5-4484-7229-9

Чем лучше мы знаем жизнь Пушкина, тем глубже и точнее понимаем смысл его творений. Вот главная причина, которая уже в течение нескольких поколений побуждает исследователей со всей тщательностью изучать биографию поэта. Не праздное любопытство, не желание умножить число анекдотических рассказов о Пушкине заставляет их обращать внимание и на такие факты, которые могут показаться малозначительными, ненужными, а иногда даже обидными для его памяти. В жизни Пушкина малозначительного нет. Мелкая подробность позволяет порой по-новому понять и оценить всем известный стих или строчку пушкинской прозы. Нет ничего оскорбительного для памяти поэта в том, что мы хотим знать живого, подлинного Пушкина, хотим видеть его человеческий облик со всем, что было в нем и прекрасного и грешного. В этом отношении можно согласиться с Вересаевым, который сказал: «Скучно исследовать личность и жизнь великого человека, стоя на коленях». Дорогой всем нам образ становится еще ближе и дороже, когда мы вплотную подходим к поэту и пытливо вглядываемся в его человеческие черты. Этими мыслями руководствовался русский эмигрант, талантливый писатель и исследователь-пушкинист Николай Алексеевич Раевский (1894–1988) в своих поисках по частным архивам довоенной Чехословакии уникальных материалов о жизни и окружении великого поэта.

ISBN 978-5-4484-7229-9

© Раевский Н. А., 1976

© ВЕЧЕ, 1976

Содержание

Портреты заговорили	6
Введение	8
В замке Бродяны	11
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Раевский

Портреты заговорили.

Пушкин, Фикельмон, Дантес

Портреты заговорили

В 1965 году в Алма-Ате вышла моя книга «Если заговорят портреты». Она явилась как бы предварительным сообщением о моих пушкиноведческих поисках и находках в дореволюционной Чехословакии.

За истекшие годы я получил возможность ознакомиться с большим количеством новых материалов и произвести некоторые архивные изыскания. Ряд ленинградских и московских пушкинистов поделился со мной своими знаниями и опытом. Благодаря их содействию я смог исправить неточности, допущенные мной.

В особенности я обязан постоянной помощи, критическим замечаниям и вниманию, с которым в течение ряда лет относились к моей работе члены Пушкинской комиссии АН СССР Николай Васильевич Измайлов (Ленинград) и Татьяна Григорьевна Цявловская (Москва). Из моих зарубежных благодетелей особенно много сделали для меня исследовательница литературных русско-итальянских отношений Н.М. Каухчишвили (Милан), чехословацкий литературовед и историк Сильвия Островская (Прага) и А.М. Игумнова (Братислава). Я не имею, к сожалению, возможности перечислить здесь всех моих многочисленных отечественных и иностранных корреспондентов, которые помогли мне составить книгу, предлагаемую теперь вниманию читателя.

Настоящая книга не является еще одним изданием «Если заговорят портреты», хотя в нее наряду с новыми вошли и многие материалы, опубликованные мною в 1965 году.

Интерес к творчеству и личности Пушкина не ослабевает. Очень возросло внимание читателей и к личности Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской, сведения о которой до недавнего времени были очень неполными и носили весьма пристрастный характер. После выхода в свет книги И. Ободовской и М. Дементьева «Вокруг Пушкина» (М., 1975) потребность в новых материалах о Наталье Николаевне, на мой взгляд, можно считать в значительной мере удовлетворенной. Новые материалы, несомненно, будут обнаруживаться и дальше¹, но тот искаженный образ жены поэта, который укоренился в нашем сознании с отроческих лет, надо считать навсегда изжитым.

Письма Натальи Николаевны и ее сестер к брату Дмитрию, обнаруженные путем многолетних поисков исследователей, писавшиеся в то время, когда все три сестры жили одной семьей с Пушкиным, дают возможность увидеть живую картину жизни этой семьи, а также почувствовать характеры всех трех². Можно пожалеть, что ни одна из сестер в письмах к брату почти ничего не сообщала о Пушкине. Нельзя, конечно, не сожалеть, что до сих пор остаются для нас неизвестными письма Н.Н. Пушкиной к Пушкину, за исключением небольшого добав-

---

¹ Вновь найденные материалы всегда значительно уточняют наши выводы. Так, например, недавно выяснилось, что казавшееся долгое время весьма убедительным заключение судебного эксперта, будто бы уличившее князя Долгорукова в составлении рокового диплома, является небесспорным.

² Читая письма сестер Гончаровых и Н.Н. Пушкиной в период 1835–1837 годов, нельзя не обратить внимание на несоответствие их содержания тому, что происходило в их жизни в это время. Они полны житейских, по преимуществу светских мелочей, постоянных жалоб на материальные затруднения, а надвигающуюся трагедию в семье Пушкина, в которой они сами принимают непосредственное участие, оставляют в стороне. Приходится предположить, что либо они сами не понимали того, что происходило на их глазах и при их участии, либо не были откровенны даже с любимым братом.

ления к письму Н.И. Гончаровой Пушкину от 14 мая 1834 года. Быть может, время преподнесет нам этот подарок.

Что касается работ Анны Ахматовой, опубликованных после ее смерти и, несомненно, не доведенных знаменитой поэтессой до желательной завершенности, я остановлюсь лишь на отдельных ее положениях, так как полемика с покойным автором, во всяком случае, воздержавшимся от опубликования своих соображений, не представляется мне этически правильной.

Настоящее издание книги, в основном повторяющее «Портреты заговорили» (Алма-Ата, 1976), рассчитано на широкого читателя, интересующегося Пушкиным и его окружением.

Введение

Чем лучше мы знаем жизнь Пушкина, тем глубже и точнее понимаем смысл его творений. Вот главная причина, которая уже в течение нескольких поколений побуждает исследователей со всей тщательностью изучать биографию поэта. Не праздное любопытство, не желание умножить число анекдотических рассказов о Пушкине заставляет их обращать внимание и на такие факты, которые могут показаться малозначительными, ненужными, а иногда даже обидными для его памяти.

В жизни Пушкина малозначительного нет. Мелкая подробность позволяет порой по-новому понять и оценить всем известный стих или строчку пушкинской прозы. Нет ничего оскорбительного для памяти поэта в том, что мы хотим знать живого, подлинного Пушкина, хотим видеть его человеческий облик со всем, что было в нем и прекрасного и грешного. В этом отношении можно согласиться с Вересаевым, который сказал: «Скучно исследовать личность и жизнь великого человека, стоя на коленях»³.

Дорогой всем нам образ становится еще ближе и дороже, когда мы вплотную подходим к поэту и пылливо вглядываемся в его человеческие черты.

Этими мыслями я руководствовался и при своих работах по Пушкину.

В настоящее время архивы СССР в отношении пушкиноведческих материалов изучены очень тщательно, но находки отдельных текстов поэта и материалов о нем продолжают и, несомненно, будут продолжаться.

В самые последние годы систематическое изучение обширного архива семьи Гончаровых, хранящегося в Москве в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), – казалось бы, давно и хорошо известного, – дало ряд новых и очень существенных материалов. Интересные находки были сделаны и в других архивах нашей страны (ЦГАОР, ЦГИАЛ и др.).

Совершенно иначе обстоит дело в отношении пушкинских материалов за границей.

Есть, во-первых, категория архивов, о которых пока можно лишь сказать, что когда-то они существовали и, вероятно, содержали немало ценного. Пушкинисты насчитывают пять-шесть таких собраний.

Наряду с этими затерявшимися источниками есть и архивы известные, но по разным причинам недоступные. Наконец, третью группу составляют хранилища, полностью или частично доступные для изучения.

Сейчас нас, однако, интересуют по преимуществу материалы ненайденные или недостаточно изученные. Их, в свою очередь, можно разделить на три группы: архивы официальных учреждений, частные архивы иностранцев и архивы русских, в разное время переселившихся за границу.

Работая над своей книгой «Дуэль и смерть Пушкина», первое издание которой вышло в 1916 году, П.Е. Щеголев получил через Министерство иностранных дел копии донесений аккредитованных в Петербурге дипломатов о гибели поэта. Эти материалы оказались очень интересными и ценными, но голландское Министерство иностранных дел из соображений национального престижа отказалось сообщить донесения посланника в Петербурге барона Геккерна, как известно, сыгравшего неблагоприятную роль в драме Пушкина (частично они стали известны по перлюстрациям, хранившимся в архиве нашего Министерства иностранных дел). Только в 1936 году запрещение было частично снято, но наиболее важный документ – письмо Николая I принцу-регенту Вильгельму Оранскому с требованием об отозвании Геккерна, которое, возможно, хранится в личном архиве голландской королевской семьи, не опубликовано и до сих пор.

---

³ Вересаев В. Пушкин и Евпраксия Вульф // В двух планах. М., 1929. С. 87.

Точно так же остается совершенно недоступным архив Высшего дворянского совета Голландии. Кроме того, французское Министерство иностранных дел сообщило в свое время, по видимому, не все документы о дуэли, в которой в качестве секунданта Дантеса участвовал секретарь посольства виконт д'Аршиак.

С другой стороны, не все русские дипломаты исполнили поручение своего министерства о розыске соответствующих материалов в архивах стран, в которых они были аккредитованы.

Таким образом, несмотря на содействие такого авторитетного учреждения, как Министерство иностранных дел, ряд документов все же не был разыскан и ждет дальнейших исследований.

Допеки частных архивов за границей и, главное, получение допуска к ним – дело не легкое и весьма деликатное.

Все зависит от доброй воли- владельцев. Пушкинские материалы к тому же в силу ряда причин попали преимущественно в руки самых верхов международной аристократии, не склонной вообще допускать посторонних людей к своим семейным бумагам.

Надо, однако, сказать, что в этой замкнутой и труднодоступной среде архивы обычно сохраняются очень хорошо. Приведу пока один пример, к Пушкину не относящийся.

Однажды я побывал в частично доступном для обозрения громадном архиве князей Шварценбергов в чешском городе Тшебони. Он состоял из двадцати четырех камер, разделенных стальными перегородками, и обслуживался несколькими специалистами-архивариусами. Одна из камер содержала бумаги чешской семьи Ружемберг (Розенберг), вымершей более трехсот лет назад.

Таких частных архивов, насколько я знаю, в России не было. Но и в скромных поместьях небогатых европейских дворян бумаги хранились тщательно. Благодаря этому, если давно исчезнувший из поля зрения архив не погиб от какой-либо стихийной причины, имеется надежда его обнаружить.

Однако даже архивы, никуда не исчезающие, порой очень труднодоступны. Примером может служить история писем Пушкина к его невесте Наталье Гончаровой.

Младшая дочь поэта, Наталья Александровна, родившаяся в 1836 году, первым браком была замужем за Михаилом Леонтьевичем Дубельтом, сыном начальника штаба корпуса жандармов генерала Леонтия Васильевича Дубельта, который в свое время, как известно, наблюдал за Пушкиным. В 1862 году она разошлась с мужем и в 1867 году вышла замуж за приехавшего в Россию офицера прусской службы принца Николая Вильгельма Нассауского. Еще перед венчанием, состоявшимся в Лондоне, зять принца, владетельный князь Георг Вальден-Пирмонт, пожаловал ей титул графини Меренберг, так как брак был «неравнородный», так называемый «морганатический», и титула принцессы Наталья Александровна носить не могла.

Дочь графини Меренберг, София Николаевна, в 1891 году вышла в Сан-Ремо (Италия) замуж за внука Николая I, великого князя Михаила Михайловича [1]⁴. Император Александр III этого брака не признал, и супруги навсегда остались в Англии. Перед свадьбой дядя невесты, ставший к этому времени великим герцогом Люксембургским, пожаловал ей титул графини Торби.

Эти сложные генеалогические подробности⁵ были бы для нас совершенно неинтересны, но графине досталось от матери драгоценное сокровище – письма поэта к невесте. В России было об этом известно, и Академия наук добивалась возвращения их на родину, но графиня Торби, оскорбленная царским непризнанием своего брака, отказала наотрез и заявила, что пушкинских писем никогда Россия не увидит.

---

⁴ Здесь и далее см. раздел «Примечания».

⁵ В книге «Если заговорят портреты» мною был допущен в этом отношении ряд неточностей, которые исправлены на основании статьи Н. Лернера «Зарубежное потомство Пушкина» (Столица и усадьба. 1916. № 67. С. 18–19).

В 1927 году графиня Торби умерла, а ее муж продал письма известному театральному деятелю и собирателю автографов С.П. Дягилеву, жившему за границей. Вскоре умер и он. Библиотеку и архив Дягилева выкупил танцовщик, впоследствии балетмейстер Парижской оперы Сергей Лифарь, который в 1936 году выпустил в Париже два издания писем – роскошное и более дешевое. В 1956 году этот почитатель поэта и коллекционер пушкинских автографов принес в дар Пушкинскому Дому приобретенную им рукопись предисловия к «Путешествию в Арзрум».

Быть может, со временем вернуться в СССР и подлинники пушкинских писем к невесте...

Наряду с другими источниками большой интерес представляют архивы пушкинских современниц, по тем или иным причинам навсегда уехавших за границу, и частные архивы иностранных дипломатов, аккредитованных в Петербурге при жизни Пушкина.

Мои личные поиски касаются лиц двух последних категорий. Мне удалось, живя за границей, завязать ряд знакомств в той среде, в которую попали за рубежом пушкинские материалы. Я считал, что, разыскивая их, по мере сил выполняю свой долг перед русской культурой, перед светлой памятью гения.

Надеюсь, что читатель не упрекнет меня за изобилие титулованных особ, о которых придется упоминать. Я уже говорил о том, что материалы, так или иначе относящиеся к Пушкину, попали за рубежом преимущественно в руки людей знатных и богатых.

Приступаю теперь к рассказу.

В замке Бродяны

В 1933 году в лесах под Прагой был необычайный урожай белых грибов. Казалось бы, что между грибами и материалами, относящимися к Пушкину, связи нет никакой, но на этот раз она оказалась налицо. В один светлый, горячий июльский день я собирал белые грибы в дубовом лесу близ памятной для меня по многим причинам деревни Вшеноры. Рядом со мной прилежно нагибалась и осторожно извлекала из травы крепкие упругие грибки старая дама, внучка одного из братьев Натальи Николаевны Пушкиной. Фамилии называть не буду. Ее уже давно нет в живых.

Присели отдохнуть. Дама не раз рассказывала мне о гончаровском имении Полотняный Завод, где она выросла. На этот раз она приветливо, но хитро улыбнулась и спросила:

– Николай Алексеевич, а вы знаете, что в Словакии живет дочь Александры Николаевны Гончаровой, герцогиня Лейхтенбергская? Я на днях получила от нее письмо...

Я старался казаться спокойным, но на самом деле был очень взволнован. Родная дочь любимой свояченицы Пушкина Ази Гончаровой, племянница Натальи Николаевны, живет здесь, в Чехословакии, и никто об этом не знает!

Мое волнение возросло, когда я узнал, что престарелая герцогиня хорошо помнит свою тетку. Девочкой она любила сидеть на скамеечке у ее ног, когда Наталья Николаевна приезжала за границу. В замке есть альбом, принадлежавший Александре Николаевне, и в нем карандашный портрет вдовы Пушкина. Есть и еще какие-то реликвии.

Расстояния в Чехословакии невелики. Надо непременно побывать в замке. Задаю вопрос о его названии, но сразу вижу, что не так-то это просто... Дама явно не хочет сообщить мне точный адрес. Отвечает описательно – замок находится недалеко от курорта Тренчанске-Теплице. Получается нечто вроде чеховского «на деревню дедушке». Не настаиваю, конечно. Достаточно того, что в этом замке живет герцогиня Лейхтенбергская.

Уже около двухсот лет в Германии ежегодно выходит «Готский альманах» – справочная книжка, в которой помещаются сведения о всех знатнейших родах Европы. Издаются в Готе и справочники, посвященные семьям менее знатным. «Карманная книжка графских родов», «Карманная книжка баронских родов». Составляются они очень тщательно, и нужные исследователю сведения, в том числе и адреса, там всегда легко найти.

В ближайший свободный день еду в Прагу. В великолепном старинном «зале докторов» Национальной библиотеки беру с полки красный томик с золотой короной. Начинаю перелистывать. Какое разочарование!.. Тщетно я прочитываю страницы, посвященные Лейхтенбергскому герцогскому дому. Нужной мне герцогини нет... Этого я никак не ожидал. Брак, правда, неравнородный – владелица словацкого замка официально герцогиней считаться не может, но в «Готском альманахе» упоминаются и морганатические супруги. В чем же дело? Совершенно невероятно, чтобы почтенная шестидесятилетняя женщина выдумала эту историю с дочерью Александры Николаевны.

Надо приняться за специальную литературу. В Праге собрана самая богатая в Западной Европе пушкиниана – русская и иностранная. Этим фондом заведует специальный сотрудник, который обычно заказывает все работы по Пушкину, выходящие в СССР и на Западе. Здесь же, в Национальной библиотеке, хранится четверть миллиона русских книг – в том числе все, что осталось от знаменитой библиотеки Смирдина, которой пользовался и Пушкин. Кроме чехословацкой столицы, за пределами Советского Союза нигде нет таких условий для пушкиноведческой работы.

Много часов я провел в «зале докторов», стараясь найти какие-нибудь данные о дочери Александры Николаевны. Все было тщетно.

Старую даму я больше не беспокоил. Всё равно не скажет, может получится и хуже: скажет, но возьмет с меня честное слово молчать. Пока же я ничем не связан и имею право искать.

Так проходят тридцать третий год, тридцать четвертый и тридцать пятый годы. Я чувствовал, что надо торопиться. Герцогине около восьмидесяти лет. В Европе после прихода к власти Гитлера очень беспокойно.

...Однажды на костюмированном вечере в одном частном доме я снова встретился со старой дамой. Подошел к ней как был – в тюрбане магараджи, с бумажной звездой на смокинге. Попивая крюшон, мы долго говорили о владелице словацкого замка. Я надеялся, что в гостинной мне повезет больше, чем во вшенорском дубовом лесу, но ошибся. По-прежнему приветливо улыбаясь, дама сообщила мне, что герцогиня еще жива, недавно опять писала. Хотелось сказать моей собеседнице: «Не будьте графиней из «Пиковой дамы»! Откройте тайну, пока еще не поздно. Ведь не для меня же это». Но безнадежной попытки не сделал.

Развязка наступила неожиданно. Я уже редко вспоминал о словацком замке и его владелице, но поздней осенью 1936 года, перелистывая с совсем другой целью «Русский архив» П.И. Бартенева за 1908 год, я наткнулся на короткую заметку о том, что у Александры Николаевны была дочь красавица, которая вышла замуж за герцога Ольденбургского⁶. Обратите внимание, читатель, – не Лейхтенбергского, а Ольденбургского! Внучатая племянница Пушкиной, рассказав мне о герцогине, по всему судя, спохватилась и, не желая, чтобы я попал в замок⁷, назвала мне не ту фамилию. Очевидно, так...

Но морганатическая супруга герцога Ольденбургского в «Готском альманахе» должна быть. До Национальной библиотеки далеко, а мне хочется все узнать сейчас же. Спешу во Французский институт имени историка Эрнеста Дени, в котором состою помощником библиотекаря. Там тоже есть альманах. Мое начальство, молодая специалистка по ассирийской клинописи, которая работает над докторской диссертацией, замечает, что я чем-то взволнован, обещаю объяснить причину потом. Беру с полки красный томик.

Вот она! Герцог Антуан-Готье-Фредерик-Элимар Ольденбургский (1844–1896). Вдова: Наталья, урожденная баронесса Фогель фон Фризенгоф; брак несогласный с законами Ольденбургского герцогского дома. Курсивом адрес: замок Бродяны, Нитранская область, Словакия.

Итак, все ясно: Наталья Густавовна Ольденбургская (имя ее отца я знал давно). «Готский альманах», правда, именуется ее лишь «владелицей Бродяны», но для родных и знакомых, как я потом убедился, она герцогиня [2]. Так будем ее называть и мы.

Ключ найден. Остается лишь его повернуть. Однако задача оказывается нелегкой. Без соответствующей рекомендации писать герцогине Ольденбургской по поводу ее семейных воспоминаний и бумаг почти безнадежно. Не ответит, или ответит отказом, или обратится к племяннице, а та явно не хочет, чтобы я попал в замок. Малейшая неосторожность с моей стороны может все испортить. Обращаюсь, к моим «готским» знакомым, чьи фамилии фигурируют в красной книжке. К сожалению, никто из них лично не знаком с герцогиней Натальей. Она давным-давно живет в Словакии и никуда не выезжает.

Чувствую все сильнее, что надо торопиться. Старушка родилась 8 апреля 1854 года. Ей восемьдесят два года. Решаю идти напролом. С разрешения администрации Французского института 24 декабря 1936 года отправляю в Бродяны письмо на официальном бланке. Обращаюсь к владелице замка в качестве русского исследователя с покорнейшей просьбой сообщить мне, не имеется ли в ее архиве каких-либо бумаг Пушкина или его жены. Наталью Николаевну, которая скончалась 26 ноября 1863 года, ее племянница могла видеть в последний раз,

---

⁶ Русский архив. 1908. Кн. III. С. 596. Мне не были в то время известны другие упоминания о дочери Александры Николаевны, имевшиеся в пушкиноведческой литературе.

⁷ Как я узнал впоследствии, моя собеседница собиралась послать туда свою дочь, которая, надо сказать, никакого отношения к пушкиноведению не имела. Эта поездка не состоялась.

только будучи восьмилетней девочкой, но все же я пишу (по-французски): «С глубоким волнением я думаю о том, что, быть может, Вы сами знали свою тетку и что в этом случае, без сомнения, в Вашей памяти остались какие-либо личные воспоминания о ней»⁸.

Проходит одна неделя, проходит другая. Ответа нет. Признак плохой – в том кругу, к которому принадлежит Наталья Густавовна, и незнакомым людям отвечают немедленно или уже не отвечают совсем. Еще через две недели письмо из Бродяч приходит, но почерк на конверте мужской. Смотрю на подпись – «Граф Георг Вельсбург».

Читаю французский текст:

«Ответ на Ваше весьма любезное письмо задержался вследствие внезапной смерти моей бабушки, герцогини Ольденбургской, 9 января. Моя бабушка все хотела лично Вас поблагодарить и сказать, что она очень сожалеет, не имея возможности сообщить Вам сведения о Пушкине, так как ее мать никогда не хотела говорить на эту деликатную тему, касающуюся ее сестры»⁹.

Я опоздал... С грустью кладу письмо в папку «А. Ф.» – «Александра Фризенгоф». Так и не удалось мне встретиться с дочерью Александры Николаевны, любившей сидеть у ног вдовы поэта. Последняя живая связь с тем временем оборвалась.

Хозяйка умерла, но ее замок остался, и так или иначе мне надо в него попасть.

Я списался с графом Вельсбургом и получил приглашение приехать в Бродяны во время пасхальных каникул 1938 года. Пользуясь случаем, я решил по пути осмотреть поле Аустерлицкого сражения, а также побывать в очень красивом краю – Моравской Словакии, знаменитой крестьянскими национальными костюмами.

Готовился к поездке тщательно. Моей целью было проложить дорогу в Бродянский замок для специалистов-пушкинистов. В том, что в никем из них еще не посещенном замке, где Александра Николаевна прожила около сорока лет [3], окажется много интересного, я не сомневался, но надо было тщательно обдумать, о чем можно говорить в Бродянах и о чем нельзя. Я снова перечитал все, что мог достать в Праге, об Александре Николаевне Гончаровой, ее семье и ее отношениях с Пушкиным. Выписками заполнил толстую карманную книжку.

В солнечный, но холодный апрельский день я сел в балканский экспресс, и памятная поездка началась. После завтрака в вагоне-ресторане сижу за чашкой кофе и от нечего делать вынимаю свою записную книжку (она уцелела и хранится теперь в Пушкинском Доме в Ленинграде)¹⁰. Надо еще раз перечитать свой конспект.

Александра Николаевна Гончарова родилась годом раньше жены поэта – 27 июля 1811 года. Потомственная дворянка по происхождению, но дворянство Гончаровых весьма недавнее. При Петре I выдвинулся их предок – оборотистый и предприимчивый торговец и промышленник Афанасий Абрамович. Екатерина II в 1789 году возвела Гончаровых в дворянское Российской империи достоинство, но фактически они уже давно вели жизнь богатых дворян и породнились со старинной знатью.

В те годы, когда Азя Гончарова, как ее звали близкие, была девочкой, от прежнего богатства оставалось очень немного. Любящий, но беспутный дедушка Афанасий Николаевич промотал огромное состояние и продолжал проматывать его остатки.

Вскоре после женитьбы, 22 октября 1831 года, Пушкин в письме к своему другу П.В. Нащокину отзывается об этом дедушке весьма непочтительно:

---

⁸ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград). В дальнейшем *ИРЛИ*.

⁹ *ИРЛИ*.

¹⁰ *ИРЛИ*.

«Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 – и ничего своей внучке не дает»¹¹.

Вообще, обстановка в семье Гончаровых тяжелая. Отец Ази, Николай Афанасьевич, одаренный и прекрасно образованный человек, психически ненормален. По временам наступают настоящие приступы безумия. Мать, Наталья Ивановна, урожденная Загряжская, тоже женщина не без образования. По-русски, как и многие барыни того времени, пишет, правда, безграмотно, но французский знает неплохо. Характер у нее тяжелый, деспотический. Дети от нее сильно страдают, особенно дочери. Матери боятся, но вряд ли ее уважают¹². Дома вести не умеет. Гончаровские миллионы растрочены, но бумажная фабрика и земля продолжают еще давать немалый доход. На пропитание Наталья Ивановна получает изрядные суммы [4], а распоряжается ими плохо. В доме постоянный беспорядок. На балах юные барышни Гончаровы иногда появляются в лопнувших перчатках и стоптанных башмаках. Выдав замуж за Пушкина красавицу младшую, мать за неимением средств старших дочерей поселяет в калужской деревне.

В 1936 году опубликованы три французских письма Александры Николаевны к старшему брату Дмитрию, относящиеся к этому периоду¹³. У остроумной барышни очень злой язычок. Чувствуется почтительное недовольство матерью, а дедушке достается сильно. Летом 1832 года (дата написана очень неразборчиво) она сообщает: «Вот мы и опять брошены на волю божию: маменька только что уехала в Ярополец, где она пробудет, как уверяла, несколько недель, а потом, конечно, еще и еще несколько, потому что раз она попала туда, она не скоро оттуда выберется <...>».

«Сюда накануне отъезда маменьки приехали Калечицкие и пробудут здесь до первого. Не в обиду будь сказано дедушке, я нахожу в высшей степени смехотворным, что он сердится на нас за то, что мы их пригласили на такое короткое время. Тем более что сам он разыгрывает молодого человека и тратит деньги на всякого рода развлечения. Таша¹⁴ пишет в своем письме, что его совершенно напрасно ждут здесь, так как ему чрезвычайно нравится в Петербурге. Это не трудно, и я прекрасно сумела бы делать то же, если бы он дал мне хоть половину того, что сам уже истратил. *Куда не пристало старику дурачиться!*» (последняя фраза по-русски).

Как мы видим, недовольная своей судьбой, мятущаяся внучка отзывается о дедушке немногим мягче, чем Пушкин.

Афанасию Николаевичу Гончарову оставалось в это время жить всего несколько недель. Он скончался 8 сентября 1832 года.

Немалую роль в жизни Александры Николаевны, видимо, играют литература и искусство. Если верить позднему (записан в 1887 году) рассказу князя А.В. Трубецкого, «еще до брака Пушкина на Natalie Alexandrine знала наизусть все стихотворения своего будущего beau-frère и была влюблена в него заочно»¹⁵.

В цитированном нами письме она просит Наталью Николаевну «попросить мужа, не будет ли он так добр прислать «мне третий том его собрания стихотворений»¹⁶. Я буду ему за это чрезвычайно благодарна». Упоминает Александра Николаевна и о посещении имения С.С.

¹¹ В настоящей книге цитаты из произведений и писем Пушкина приведены по изданию: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 10-ти томах / Под ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Гослитиздат, 1959–1962. Исключения оговорены.

¹² «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартевым в 1851–1860 годах / Вступительная статья и примечания М.А. Цявловского. М., 1925. С. 63. В дальнейшем: *Рассказы о Пушкине*.

¹³ Летописи Государственного литературного музея. Кн. I. Пушкин / Ред. М.А. Цявловского. М.—Л., 1936. С. 419–425. В дальнейшем: *Лет. ГЛМ*.

¹⁴ Домашнее имя Натальи Николаевны Пушкиной-Гончаровой.

¹⁵ *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. 3-е изд. М.—Л., 1928. С. 424. В дальнейшем: *Щеголев*.

¹⁶ Третья часть собрания стихотворений Пушкина, о которой идет речь, вышла в 1832 году.

Хлюстина. Хозяин был в отъезде, но дворецкий «показал нам весь дом, где у Семена прелестная библиотека. Я умираю от желания украсть у него некоторые из его прекрасных книг. Мы видели также портрет Настасьи¹⁷ вместе с матерью, писанный маслом, когда она находилась в Колизее в Риме. Портрет действительно великолепен».

Долгое время думали, что барышни Гончаровы получили недостаточное образование. В своей книге П.Е. Щеголев отзывается о нем очень пренебрежительно: «Об образовании Натальи Николаевны не стоит и говорить»¹⁸. Опубликованная в 1936 году семейная переписка этого взгляда, однако, не подтверждает¹⁹. Вероятно, еще отец до своего заболевания постарался пригласить хороших домашних учителей. Дедушка тоже постоянно осведомлялся об успехах детей, в особенности внучек. Кроме обязательного тогда французского, их учили и по-русски, и по-немецки. Имелся учитель музыки и учитель рисования.

Есть, наконец, сведения о том, что постоянными кавалерами подрастающих сестер Гончаровых были образованные молодые люди – студенты Московского университета. Говоря беспристрастно, они учились, видимо, не меньше и не хуже большинства дворянских барышень пушкинского времени.

Русские письма Александры Николаевны пока не опубликованы. Французские в 1832 году, когда ей был 21 год, написаны бойко и во всех отношениях грамотно. Их автор – духовно содержательная и культурная девушка [5].

И еще одна мысль об Александре Николаевне. Бедовая была девица, совсем не «кисейная барышня». По натуре смела. Как и жена Пушкина, отличная наездница. О своей лошади она пишет брату Дмитрию: «Вопреки тому, что наговорил мой дорогой братец Ванчик, она никогда не становится на дыбы и ход у нее очень спокойный <...>. Но самый горячий конь покорится, если всадник так искусен, как я»²⁰.

Хотелось ей, видимо, и в жизнь броситься смело, да время еще не было подходящим для таких, как она. Родись она лет на тридцать – сорок позже, сумела бы устроить жизнь по-своему.

Но волевой и страстный характер Александры Николаевны, несомненно, сыграл свою роль в истории ее отношений с Пушкиным.

В 1834 году Наталья Николаевна, которая очень любила своих сестер, решила взять их к себе в Петербург. По-видимому, их положение в доме самодурки матери стало невыносимым. Пушкин согласился, но неохотно. 14 июля 1834 года он пишет:

«Но обеих ли ты сестер к себе берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна под одной* кровлей: муж, жена, дети покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься и семейственного спокойствия не будет»²¹.

С переездом Александры Николаевны к Пушкиным хлопот, по крайней мере житейских, надо сказать, не прибавилось, а скорее убавилось. Домашнее хозяйство стала вести Александрина, и она же заботилась о маленьких детях поэта²².

В 1907–1908 годах дочь Натальи Николаевны от второго брака А.П. Арапова опубликовала в приложениях к очень тогда распространенной реакционной газете «Новое время» обширные воспоминания о матери, озаглавленные «Наталья Николаевна Пушкина-Ланская». В одной из глав (III) она, основываясь на семейных преданиях, рассказала о далеко зашедшем

¹⁷ Сестра С.С. Хлюстина, графиня Анастасия Семеновна Сиркур, жена французского публициста.

¹⁸ Щеголев. С. 48.

¹⁹ Лет. ГЛМ. С. 388–425.

²⁰ Лет. ГЛМ. С. 422.

²¹ Письма 1834–1837 годов цитируются по изд.: «Пушкин. Письма последних лет, 1834–1837». Л., 1969.

²² Сведения эти, однако, оказались неверными, о чем я скажу позже. Но в то время, когда я заполнял свою записную книжку, не было оснований им не доверять.

романе Пушкина со своей свояченицей²³. Как ни относиться к этому повествованию Араповой, вызвавшему много споров, оставить его без внимания нельзя.

Александра Николаевна долгие годы оставалась у сестры, по-прежнему помогая воспитывать подрастающих детей. Если верить Араповой, характер у старшей барышни постепенно стал тяжелым, деспотическим. По словам ее племянницы, «Александра Николаевна, прожившая под кровом сестры большую часть своей жизни, положительно мучила ее своим тяжелым, строптивым характером и внесла немало огорчения и разлада в семейный обиход». 18 апреля 1852 года она в возрасте сорока одного года вышла наконец замуж за сорокапятилетнего чиновника австро-венгерского посольства барона Густава Фогель фон Фризенгофа и уехала с ним за границу. Где жила в дальнейшем Александра Николаевна и когда умерла, пушкиноведам не было известно. В 1887 году она, во всяком случае, была еще жива, и с ее слов, муж, по просьбе племянницы А.П. Араповой, написал последней 26(14) марта этого года довольно подробное письмо о дуэли и смерти Пушкина²⁴. К сожалению, этот документ большого значения не имеет – память престарелой баронессы ослабела и, самое главное, даже полвека спустя она не пожелала откровенно написать о драме Пушкина то, что, несомненно, знала.

...Мой кофе давно выпит, а ресторанная прислуга не любит пустых столов и клиентов, уткнувшихся в бумаги. Заказываю еще чашку. Теперь я спокойно могу перелистывать свою книжку.

Родословная графов Вельсбургов – она мне тоже нужна. Сын герцога Элимард Ольденбургского от морганатического брака с баронессой Натальей Густавовной Фогель фон Фризенгоф не наследовал герцогского титула и получил фамилию граф фон Вельсбург [6]. Ее носит и теперешний владелец Бродяна граф Георг, младший сын покойного первого графа Александра. В числе его предков есть и шведский король из династии Ваза. Вывод: о романе Пушкина и Александры Николаевны в замке говорить нельзя. Взглядов его хозяев я не знаю, но с вероятными предрассудками аристократической семьи надо считаться.

Другой вывод важнее и для меня печальнее. Пушкинских рукописей, которые, вероятно, были у Александры Николаевны в Петербурге, в Бродянах почти наверное нет. Положение супруги барона Густава, несмотря на давность событий, было непростым...

Началом своей поездки я остался доволен. Побывал на поле битвы под Аустерлицем с первым томом «Войны и мира» в руках. По-прежнему на спуске с Праценской горы близ разветвления двух дорог стоит одинокий заброшенный дом, у которого остановился Кутузов перед самым началом сражения. Где-то здесь недалеко лежал раненый князь Андрей...

Кругом никого не было. Я лег на спину и старался думать мыслями Болконского: «Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава богу!..»

Потом поезд снова везет меня дальше на восток – в живописный богатый край, Моравскую Словакию. Побродив по деревням и полюбовавшись на праздничные наряды женщин, ухожу в горы. Невысокий массив Яворина, который отделяет Моравию от Словакии. Вечерет. Я иду с рюкзаком за плечами.

Никогда еще не видел столько подснежников, как на этом волнистом хребте. Целые гектары скромных белых цветов. От них тянет нежным, чуть слышным ароматом весны. Иду один по этому царству подснежников и уже думаю, не сбился ли я с пути. Припасов в мешке достаточно, но ночь в горах будет холодная. Совсем неожиданно передо мной возникает ярко освещенное деревянное здание. Отель, в котором я буду ночевать.

---

²³ Иллюстрированное приложение к «Новому времени». 1907. № 11413. 19 декабря. С. 6.

²⁴ Французский подлинник – *ИРЛИ*.

Поутру медленный спуск в долину реки Вага. Обычно здесь тепло. Сады зацветают по крайней мере на две недели раньше, чем в Праге. Они и сейчас цветут, и солнце светит по-весеннему ярко, но откуда-то с севера льется холодный воздух. Ветер не прекращается, и когда я в городе Тренчине осматриваю развалины древнего замка, он катает по двору мелкие камешки. Упорно пытается сорвать мою новую кепку, специально купленную для этой поездки в Бродяны.

Еще одна ночь в отеле, и утром я снова в поезде. Здесь уже не ходят скорые. По однокорейной дороге среди гор полупустой поезд медленно тащится на восток к долине реки Нитры, где и стоит замок Александры Николаевны. Отсюда еще очень далеко до России, но словацкие женщины куда больше похожи на русских, чем чешки. Моя соседка распеленала ребенка, целует его и совсем по-русски говорит: «Душенька».

Маленькая станция, последняя перед Бродянами. Здесь мне, предстоит подождать с полчаса местного поезда. Подтянув рюкзак, выхожу на почти пустой перрон. Элегантный молодой человек высокого роста, лет тридцати, в спортивном костюме и зеленом макинтоше подходит ко мне, приподнимает кепи.

– Господин Раевский?

– Граф Вельсбург?

Знакомимся. Сажусь рядом с графом в небольшую машину. По пути он указывает мне на белую часовню на склоне холма. Она, кажется, протестантская, а не католическая.

– Наш фамильный склеп. Там похоронена и бабушка...

– А где покоится ее мать, Александра Николаевна?

– Тоже там... Потом я покажу вам и склеп.

Вот и первый результат моей поездки – узнал, где похоронена Александра Николаевна. Потом, конечно, узнаю и дату смерти.

Мы въезжаем в ворота старого парка и останавливаемся перед замком. Граф открывает массивную дверь, окованную железными полосами. Берется за старинное кольцо, вставленное в львиную пасть. Не без волнения я переступаю порог замка, в котором десятки лет жила и закончила свои дни Александра Николаевна Фогель фон Фризенгоф, в прошлом Азя Гончарова. Что-то я увижу здесь?..

Молодая графиня Вельсбург выходит встретить гостя в вестибюль, на верхней площадке лестницы нас ожидает ее мать, вдова командира кирасир Вильгельма II.

Меня проводят в большую гостиную, стены которой сплошь увешаны портретами. Сидим в старинных креслах вокруг старинного стола. Новых вещей вообще незаметно – даже массивные лампы керосиновые, так как в глухой словацкой деревне пока нет электричества. В камине потрескивают дрова – несмотря на апрель, замок еще приходится отапливать.

Обо всем, что я увидел и услышал в Бродянах, я подробно рассказал в статье, опубликованной в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы»²⁵. Здесь я могу только вкратце изложить результаты моего кратковременного (менее двух суток) пребывания в замке. Архива я не просил мне показать – только что познакомившись с хозяевами, я считал это неудобным. Все в свое время... Единственный документ на русском языке, который граф Вельсбург, видимо, заранее приготовил для меня и просил перевести, оказался извещением Министерства императорского двора № 769 о том, что их величества изъявляют согласие на брак фрейлины Гончаровой²⁶.

Меня очень интересовал вопрос о том, нет ли в архиве писем Натальи Николаевны к сестре. Эти письма когда-то существовали, так как сестры были дружны, а целых три года – с

²⁵ Раевский Н.А. В замке А.Н. Фризенгоф-Гончаровой // Пушкин. Исследования и материалы. Т. IV. М.—Л., 1962. С. 379–393.

²⁶ Александра Николаевна получила это звание 1 января 1839 года одновременно с графиней Софией Виельгорской (Journal de Saint-Petersbourg. 1839. № 1. 3/15 января). Во дворце она не жила и придворной службы, по-видимому, не несла.

переезда молодоженов Пушкиных из Москвы в Петербург (18 мая 1831 года) и до осени 1834-го – жили врозь. Там могли оказаться новые подробности о жизни пушкинской семьи и о самом поэте. Вельсбург ответил уклончиво: в архиве вообще нет писем на русском языке.

Распрашивать подробнее о семейных бумагах я не считал возможным, но был почти уверен в том, что сестры переписывались по-французски. По крайней мере в трех опубликованных письмах Александры Николаевны к брату, о которых я уже упоминал, есть только отдельные русские фразы, вкрапленные во французский текст, а Наталья Николаевна в одном из писем к деду признается, что ей легче писать по-французски, чем по-русски.

Не задал я вопрос и о пушкинских рукописях. Поспешность могла только испортить дело.

Вернувшись в Прагу, я узнал, что о моей поездке, тщательно «засекреченной» для успеха поисков, бывшая камеристка Натальи Густавовны Анна Бергер сообщила А.М. Игумновой. Эта русская дама, постоянно жившая в Словакии, как оказалось, была хорошо знакома с покойной владелицей Бродяч и провела в ее замке целых три лета²⁷.

А.М. Игумнова старалась выяснить вопрос о пушкинском наследии в Бродячах, но это ей не удалось. В письме от 5 июня 1938 года она сообщила мне, что «несмотря на все усилия не нашла и не узнала там ничего относящегося к Пушкину». Сомневаться в точности слов Игумновой не приходится, но можно подумать только, была ли откровенна Наталья Густавовна со своей русской гостьей.

Судьба бумаг Александры Николаевны остается весьма неясной по настоящее время. Сам я не пытался ее выяснить, но в примечании к моей статье редакция сборника «Пушкин» приводит следующие сведения (с. 292): «В своих «Воспоминаниях о Бродячах» и в письмах, присланных в Рукописный отдел ИРЛИ, А.М. Игумнова, касаясь судьбы бродячского архива, сообщает, что перед смертью Александра Николаевна сожгла все хранившиеся у нее письма; по-видимому, остальные бумаги из ее архива были сожжены по ее просьбе дочерью; в свою очередь, Наталья Густавовна, умирая, завещала своей воспитаннице Анне Бергер, бывшей в течение многих лет ее доверенным лицом, сжечь все её бумаги и письма, в том числе обширную переписку с матерью, что и было исполнено».

Таким образом, если бы сведения, сообщенные А.М. Игумновой, были вполне точные, следовало ожидать, что от архива Александры Николаевны ничего не уцелело. Это, во всяком случае, неверно, так как в Пушкинском Доме хранится целый ряд бумаг, полученных из Бродяч [7]. Бумаг Натальи Густавовны в архиве Пушкинского Дома действительно нет. Нет и ни одной строки Пушкина.

Были ли они?

Мы этого не знаем, но я продолжаю думать, что, уезжая с мужем за границу, Александра Николаевна, считаясь с его чувствами, не могла взять с собой рукописи поэта. Это, конечно, лишь предположение, – быть может, «бродячский Пушкин» когда-нибудь и найдется, но мне это кажется очень маловероятным.

От посещения Бродяч у меня осталось такое впечатление, что при жизни Александры Николаевны имя Пушкина было в замке под запретом. В первом своем письме Вельсбург сообщил мне со слов своей бабушки, которой, к несчастью, оставалось жить всего несколько дней, новый и ценный факт: ее мать никогда не говорила с дочерью о Пушкине, считая это слишком деликатным для памяти сестры.

Я смутно надеялся на то, что в Бродячах, быть может, сохранились произведения Пушкина с его дарственными надписями свояченице. Библиотека в замке для частного дома огромная (не менее 10 000 томов). Она занимает целый зал и содержится в большом порядке. Есть и отдельный русский шкаф, но тщетно я искал там прижизненные издания Пушкина. Есть только посмертное издание с прелестным экслибрисом Натальи Густавовны и ее печатью. Я

---

²⁷ «Воспоминания о Бродячах» А.М. Игумновой – ИРЛИ. В дальнейшем – *Воспоминания о Бродячах*.

просмотрел его и не нашел никаких указаний на то, что оно когда-то принадлежало Александре Николаевне.

Рукописей Пушкина у Ази Гончаровой могло и не быть – поэт дарил их неохотно, но томики с посвящениями, судя по всему, несомненно, были. Остались они где-то России.

Еще одна мысль о рукописях: если бы они были, то очень маловероятно, чтобы перед смертью Александра Николаевна их сожгла. Ведь художественные произведения Пушкина ее никак не компрометировали. И еще менее правдоподобно, на мой взгляд, чтобы Наталья Густавовна, очень культурная и одаренная женщина, всю жизнь занимавшаяся музыкой, живописью и поэзией, изучавшая Канта и Шопенгауэра [8], держала бы в тайне рукописи поэта, а умирая, завещала их сжечь.

Итак, архива я не видел и ничего определенного о нем сказать не могу. Зато портретов, рисунков, мемориальных вещей, в то время никому не известных, я увидел множество.

Покойный поэт Владислав Ходасевич, которому я сообщил по секрету о результатах поездки в Бродяны, написал мне, что я нашел клад. По правде говоря, не нашел. Мне его показали хозяева. Хранили они клад отлично – не в каждом музее так тщательно ухаживают за экспонатами – нигде ни соринки, ни один лист не помят, все стекла протерты. Жена владельца замка, показывая мне стоявший на столике перед камином акварельный портрет одного из братьев Александры Николаевны, спросила, не может ли ему повредить горячий воздух. Пришлось сказать, что музейного дела я не знаю. Услышал я от графини и такое признание:

– Это должны быть интересные вещи, мы их всячески бережем, но значения их не знаем.

Как умел, я рассказал любезным хозяевам о значении бродянских иконографических сокровищ.

Осмотр начался с альбома, принадлежавшего Александре Николаевне. Небольшой альбом отлично сохранился. В нем я насчитал двадцать девять заполненных листов с карандашными портретами, частью расцвеченными акварелью. Сделаны они очень грамотным любителем. Впоследствии выяснилось, что им был Н.П. Ланской, племянник второго мужа Натальи Николаевны генерала П.П. Ланского.

Среди портретов преобладают члены семей Пушкина и Ланских, но есть немало их знакомых, в том числе престарелый писатель Ксавье де Местр, князь П.А. Вяземский, князь Н.А. Орлов.

Один портрет особенно интересен. Немолодая уже, но красивая женщина с лицом южного типа. Под рисунком автограф: «Julie comtesse Stroganoff. Ce jour heureux»²⁸.

Графиня Юлия Павловна Строганова по национальности португалка. Проведя очень бурно молодость (есть сведения о том, что она была одно время любовницей наполеоновского генерала Жюно и будто бы занималась шпионажем), урожденная графиня Ойенгаузен, по первому мужу графиня д'Ега, в конце концов вышла замуж за графа Григория Александровича Строганова и стала знатной русской дамой. При жизни поэта она была близкой приятельницей Н.Н. Пушкиной, настолько близкой, что, когда Пушкин умирал, именно она и княгиня В.Ф. Вяземская почти безотлучно находились в его квартире. Насколько я знаю, портретов Строгановой известно очень мало [9].

Есть в альбоме и карандашный портрет сорокалетней Н.Н. Ланской с ее автографом, сделанным в 1852 году. Наталья Николаевна сидит в кресле. По-прежнему красиво ее лицо, но сходство, кажется, не очень схвачено. Не будь французской подписи, я бы ее не узнал. Другие портреты знакомых лиц удалась рисовальщику значительно лучше. К сожалению, все они сделаны много лет спустя после смерти Пушкина (1851–1857 годы).

---

²⁸ Графиня Юлия Строганова. Этот счастливый день (*фр.*).

В замке оказался еще ряд изображений Натальи Николаевны. Вот прелестная акварель 1842 года работы художника В. Гау. Тридцатилетняя вдова поэта в расцвете своей красоты²⁹.

А вот фотография стареющей болезненной дамы в черном платье, снятая за год до смерти Натальи Николаевны (она скончалась от воспаления легких 26 ноября 1863 года в возрасте 51 года). Но лучше всего Пушкина-Ланская вышла на отлично сохранившемся дагеротипе, который Вельсбург, во избежание выцветания, хранил в письменном столе.

В одинаковых платьях и чепцах сидят рядом Наталья Николаевна и Александра Николаевна. За ними и сбоку трое детей Пушкиных – сыновья в мундирах пажей и девочка-подросток (младшая дочь Наталья). Одна из девочек Ланских прижалась к коленям матери. Дагеротип снят не в ателье, а в комнате (видны книжные шкафы) и, по всей вероятности, относится к 1850 или самое позднее к 1851 году (старший сын А.А. Пушкин окончил Пажецкий корпус в 1851 году). Наталье Николаевне было тогда 38–39 лет.

Беру большую лупу и долго смотрю на генеральшу Ланскую. Прекрасные, тонкие, удивительно правильные черты лица. Милое, приветливое лицо – любящая мать, гордая своими детьми. Невольно вспоминаются задушевные пушкинские письма к жене. На известных до сих пор изображениях Натальи Николаевны, как мне кажется, нигде не передан по-настоящему этот живой и ласковый взгляд, который сохранила серебряная пластинка.

У ее сестры заострившиеся черты стареющей барышни. Тоже очень живое лицо, но совсем иное, чем у Натальи Николаевны. Пристальный, умный, но жестковатый взгляд. От этой сорокалетней особы можно ждать острого слова, но вряд ли услышишь ласковое.

Есть и другие портреты Александры Николаевны. Принято считать, что умная Азя Гончарова в противоположность своей прелестной сестре была некрасива. Чуть заметное косоглазие Натальи Николаевны, которое нисколько ее не портило, у старшей сестры было много сильнее. Позировать, а позднее сниматься анфас она обычно избегала. Однако бродяжские портреты Александры Николаевны показывают, что в молодости она была далеко не так некрасива, как обычно думают. Один недатированный дагеротип действительно изображает особу непривлекательного вида, но снимок, во-первых, неудачный, а во-вторых, сравнительно поздний. Зато на большом овальном портрете, несомненно пушкинских времен (ранее был в Бродяжах), у Ази Гончаровой очень миловидное и духовно значительное лицо³⁰. Есть и поздние фотографии 1860—1870-х годов. Баронесса Фогель фон Фризенгоф расплелась, отяжелела. Ничего не осталось от бывшей лихой наездницы. Взгляд у нее спокойный, но по-прежнему жестоковатый. Есть, наконец, большой портрет Александры Николаевны в глубокой старости работы ее дочери Натальи Густавовны (масло). Хороший, совсем не любительский портрет – Наталья Густавовна была одаренной художницей и в молодости всерьез училась живописи у венского художника Ленсбаха. Александре Николаевне, должно быть, за семьдесят. Из-под черной накладки виднеется белый старушечий чепчик. Умное, строгое, но успокоившееся лицо. Нет в глазах прежней пронзительности. В кресле сидит очень степенная, важная старая баронесса, теща герцога Элимара Ольденбургского. Поэт здесь решительно ни при чем [10].

Александра Николаевна пережила своего мужа, скончавшегося 16 января 1889 года. Ее замужество продолжалось, таким образом, полных тридцать шесть лет. Был ли счастливым этот поздний брак, пока сказать трудно. Во всяком случае, он, судя по всему, был прочным и спокойным. На портретах и фотографиях, которых в Бродяжах много, барон Густав производит впечатление вдумчивого, корректного человека [11]. Если первое время он и ревновал жену к памяти Пушкина, то на склоне лет ее увлечение поэтом, вероятно, стало лишь полузабытой

²⁹ В работе профессора А.В. Исаченко «Пушкиниана в Словакии» приведена отличная красочная репродукция этой акварели, которая является (авторской?) копией часто воспроизводимого портрета Н.Н. Пушкиной (*Щеголев*. С. 41 и др.).

³⁰ В настоящее время этот портрет хранится в фондах Всесоюзного музея А.С. Пушкина (Ленинград).

главой семейной хроники. Как мы знаем, в 1887 году супруги совместно написали племяннице малосодержательное, но обширное письмо о дуэли и смерти Пушкина.

Осматривая бродяжские реликвии, я невольно подумал, часто ли вспоминала владелица замка свои русские годы и своего гениального свояка.

Впоследствии из воспоминаний Анны Михайловны Игумновой, которой об этом, несомненно, рассказала герцогиня Н.Г. Ольденбургская, я узнал, что «Александра Николаевна всячески поддерживала связь с Россией, не раз ездила к своей родне, и в доме готовились русские кушанья»³¹.

Все пушкинское она, видимо, оставила в России, но в замке я все же увидел две вещи поистине памятные...

Графиня Вельсбург, старавшаяся показать мне все, что могло меня интересовать, сняла с пальца старинное золотое кольцо с продолговатой бирюзой и сказала, что оно перешло к ней от герцогини, а ей досталось от матери. Кольцо Ази Гончаровой, почти наверное то самое, о котором княгиня Вера Федоровна Вяземская, жена друга Пушкина, когда-то рассказывала издателю «Русского архива», пушкинисту П.И. Бартеневу³².

Однажды поэт взял у свояченицы кольцо с бирюзой, несколько времени носил его, потом вернул. А в ящичке с драгоценностями герцогини, именно в ящичке из простой фанеры (Наталья Густавовна считала, что воры не обратят на него внимания), я увидел потемневшую золотую цепочку от креста, по словам хозяйки замка, тоже принадлежавшую Александре Николаевне. Доказать, конечно, невозможно, но, быть может, это самая волнующая из бродяжских реликвий...

П.Е. Щеголев привел в своей книге цитату из письма к нему П.И. Бартевева от 2 апреля 1911 года, в котором последний сообщал: «Княгиня Вяземская сказала мне, что раз, когда она на минуту осталась одна с умирающим Пушкиным, он отдал ей какую-то цепочку и попросил передать ее от него Александре Николаевне. Княгиня исполнила это и была очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот загробный подарок, вся вспыхнула, что и возбудило в княгине подозрение»³³.

Впоследствии в архиве Бартевева была обнаружена вырезка из корректурной гранки его известной статьи «Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских (записано в разное время с позволения их обоих)»³⁴. Вырезка представляет собою исключенный автором конец абзаца, содержание которого Бартевев сообщил Щеголеву в цитированном выше письме. Абзац заканчивается следующим образом: «Потом взял у нее цепочку и, уже лежа на смертном одре, поручил княгине Вяземской возвратить ей эту цепочку, но непременно без свидетелей <...>. По кончине Пушкина кн. Вяземская исполнила это поручение его и прибавила, что он приказал отдать цепочку именно без свидетелей. Та вспыхнула и сказала: «Не понимаю, отчего это!»³⁵

Нельзя забывать, что В.Ф. Вяземская – близкий друг Пушкина, а Бартевев хотя и страдал зачастую недостатком критического чутья, но, свято чтя память поэта, был неспособен сознательно возвести на него напраслину.

Очевидно, с цепочкой была связана какая-то очень интимная тайна. В своих воспоминаниях Арапова пытается ее раскрыть³⁶, но верны ли ее сведения, исходящие к тому же от при-

---

³¹ *Воспоминания о Бродяжках*. С. 3.

³² *Цявловский М.А.* Из пушкинианы П.И. Бартевева // *Лет. ГЛМ*. С. 561.

³³ *Щеголев*. С. 430.

³⁴ «Русский архив». 1888. Кн. III. № 7. С. 309.

³⁵ *Цявловский М.А.* Из пушкинианы П.И. Бартевева // *Лет. ГЛМ*. С. 651.

³⁶ Иллюстрированное приложение к «Новому времени». 1907. № 11413. 19 декабря. См. также: *Щеголев*. С. 431–432.

слуги Пушкиных, сказать невозможно. Думаю поэтому, что приводить их не стоит. Но, читая повествование Бартенева, я никогда не думал, что мне суждено будет увидеть кольцо, а тем более цепочку.

Хозяева замка обратили мое внимание и на косяк дверей в большой гостиной. Его не ремонтировали, очевидно, много десятков лет, но старинный коричневый лак сохранился хорошо. На нем карандашными черточками отмечен рост многих друзей и знакомых, когда-то гостивших в Бродянах³⁷. Четкие подписи читаются легко. Среди них Natalie Pouchkine – очевидно, младшая дочь поэта и один из его сыновей (я, к сожалению, вовремя не записал, кто именно).

Сейчас кое-что из бродянских портретов и бумаг находится в Пушкинском Доме и Всесоюзном музее А.С. Пушкина в Ленинграде [12]. К сожалению, за малым исключением, это материалы второстепенного значения. Куда девалось остальное, пока неизвестно. Мне же кроме архива удалось увидеть, правда, накоротке, бегло, обстановку, какой она была в замке при жизни Александры Николаевны и ее дочери.

Не буду говорить о портретах предков герцога Элимара Ольденбургского – для нас они неинтересны. Но вот многочисленные русские портреты, главным образом акварели и миниатюры, которые в трех комнатах – большой гостиной, малой гостиной и столовой – висели на стенках, стояли на столиках и этажерках. Это целый семейный музей, как я уже сказал, очень бережно сохранявшийся.

Я долго рассматривал эти никому неведомые сокровища, обходя одну за другой комнаты в сопровождении хозяина замка, помнившего, очевидно, со слов бабушки, многих русских предков. Вот Афанасий Николаевич Гончаров – «дедушка-свинья», как непочтительно назвал его Пушкин, – благообразный старик в синем фраке; вот родители Александры Николаевны – Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна; вот ее брат лейб-гусар Иван Николаевич Гончаров. О многочисленных портретах самой Александры Николаевны и Н.Н. Пушкиной-Ланской я уже рассказал. В столовой висит большой портрет (литография) В.А. Жуковского с его подписью и там же, на очень видном месте, овальный портрет Дантеса, исполненный в 1844 году художником С. Вагнером.

Дантес еще молод – ему всего 32 года, но благодаря бородке-эспаньолке выглядит старше. Он в штатском. По-прежнему красивый и самоуверенный человек кажется очень довольным самим собой. И подпись его под стать внешности – размашистая, со сложным росчерком.

Немало в столовой и «русских гравюр», как их издавна зовут в замке, – портретов и групп, но уже Наталия Густавовна не помнила, кого они изображают. Почти все исполнены в 1839–1844 годах, когда Александра Николаевна жила у сестры.

О том, что в Бродянах есть портреты ее родных, я знал давно. Не упоминаю здесь об альбомах фотографических карточек, так как они относятся к позднему времени (преимущественно 70-е годы и позже) и большого интереса не представляют.

Но в замке меня ждала большая неожиданность – никак нельзя было предполагать, что там окажется множество рисунков французского писателя и художника графа Ксавье де Местра (1763–1852).

Сейчас в Советском Союзе о нем мало кто знает – гораздо известнее его старший брат Жозеф, сардинский посланник при Александре I, государственный деятель и известный философ-реакционер, имевший влияние и на русского императора. В дореволюционной России ученики средних школ кое-что о нем слышали, но Ксавье де Местра они знали все. Язык его нетру-

---

³⁷ А.С. Кишкин (Москва), побывавший в обветшавшем замке летом 1967 года, сообщил мне в письме, от 25 января 1970 года: «Единственно, что напоминает об Александре Николаевне, это надписи и пометки на косяке одной из дверей в старом доме <...> с обозначением роста детей Пушкина, приезжавших когда-то гостить к своей тетке».

ден, а действие некоторых произведений происходит в России, которую этот добропорядочный второстепенный писатель знал значительно лучше, чем большинство французских авторов.

Он приехал к нам в 1800 году, довольно долго состоял на русской военной службе, участвовал в войнах на Кавказе и в Персии. Для русского Министерства народного просвещения его изящные и политически весьма благонадежные повести оказались вполне приемлемыми. Перед империалистической войной все тогдашние гимназисты читали «Кавказских пленников» Ксавье де Местра.

О том, что Ксавье де Местр хорошо рисовал, исследователи знали давно. По некоторым сведениям, он, живя в Москве в начале века и сильно нуждаясь, даже зарабатывал на жизнь именно рисованием портретов. Один из них много раз воспроизводился – это миниатюра на слоновой кости, портрет матери Пушкина Надежды Осиповны в молодости. Однако известное до сих пор художественное наследие де Местра было крайне бедным – кроме этого изображения еще несколько миниатюр, портрет князя Д.И. Долгорукова и две акварели в одном из провинциальных музеев Франции. Французский биограф предполагал, что работы де Местра следует искать в Советском Союзе.

Каково же было мое удивление, когда в замке на берегу Нитры Георг Вельсбург, предложив мне посмотреть рисунки де Местра, выложил передо мной на стол восемь больших, отлично сохранившихся альбомов!³⁸

Долго я их перелистывал – хозяева замка меня не торопили. Прелестные тонкие рисунки карандашом, по-французски изящные, на мой взгляд, немного холодные, акварели, карикатуры, семейные сценки, набросанные умелой рукой. Есть среди рисунков и очень ранние – например, спящий кот с французской подписью: «Василий Иванович. 1810». Судя по типу лиц и по военным формам, в этих альбомах немало соотечественников. Есть и ряд подписанных изображений – среди них один из братьев Тургеневых (кажется, декабрист Николай Иванович), некая княгиня Г. Гагарина, г-жа Пашкова и другие.

Один портрет очень взволновал меня. Небольшой, тщательно отделанный рисунок карандашом. Молодой человек лет восемнадцати – двадцати в штатском. Голова в профиль повернута. Густые волнистые волосы, чуть одутловатые губы. Очень большое сходство с Пушкиным, но уверенности в том, что это он, у меня не было. Рисунок сделан 24 мая. Год не указан, но если это поэт, то последний возможный год – 1819-й, так как в следующем Пушкин в это время уже уехал в южную ссылку. Возможно, Ксавье де Местр изобразил двадцатилетнего поэта, а его облик в этом возрасте мы не знаем. Тем ценнее портрет, если только я не ошибся. Говорю Вельсбургам о его значении. Беречь не прошу. Знаю, что и без моей просьбы в этом замке с рисунком ничего не случится. Только вкладываю в альбом закладку с надписью «Пушкин (?)».

К сожалению, я ошибся. Впоследствии, когда портрет был воспроизведен в одном научном издании³⁹, известная пушкинистка Т.Г. Цявловская высказала предположение, что это «Левушка» – брат поэта, Лев Сергеевич. Автор словацкой публикации профессор Братиславского университета А.В. Исаченко, как и я, предположительно считал, что это портрет А.С. Пушкина. Такие ошибки случались уже не раз – братья были очень похожи, да и почерк Льва Сергеевича неоднократно принимался за братнин.

Отправляясь в Бродяны, я мало что знал о жизни Ксавье де Местра. Вернувшись в Прагу, перечитал о нем все, что смог найти в чешской столице. Многие все же остались для меня неясным в его биографии, да и сейчас, три десятка лет спустя, приходится пожалеть о том, что научного жизнеописания де Местра-младшего нет ни в отечественной литературе, ни в иностранной.

---

³⁸ Впоследствии оказалось, что два из них, заполненные довольно посредственными акварелями (пейзажи), содержат работы итальянского художника Боджи (Boggi).

³⁹ *Isačenko A. V. Puškiniiana na Slovensku (Исаченко А.В. Пушкиниана в Словакии). Slavanské Pohľady, 1947. № 1. С. 1—16.*

Пушкин несколько раз упоминает о его знаменитом брате (но почему-то именуется дипломата-философа Жозефа де Местра «Мейстр» и «Мейстер»). Имя Ксавье де Местра не встречается ни в произведениях, ни в известных нам письмах Пушкина. Однако, повествуя о детских годах поэта, биографы неизменно его упоминают.

Давно известно, что, проживая в Москве, де Местр бывал в доме родителей Пушкина и, несомненно, знал их старшего сына, когда тот был еще ребенком.

Сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлицева в своих воспоминаниях о брате, записанных с ее слов мужем Н.И. Павлицевым в 1851 году, сообщает⁴⁰: «До шестилетнего возраста Александр Сергеевич не обнаруживал ничего особенного; напротив, своей неповоротливостью, происходящей от тучности тела, и всегдашней молчаливостью приводил иногда мать в отчаяние <...> Достигнув 7-летнего возраста, он стал резов и шаловлив. <...> Между тем в доме родителей собиралось общество образованное, к которому принадлежало и множество французских эмигрантов. Между этими эмигрантами значительнее был граф Местр, занимавшийся тогда портретной живописью и уже готовивший в свет свой «*Voyage autour de ma chambre*»⁴¹. Он, бывая почти ежедневно, читывал разные свои стихотворения. <...> Все это действовало на живое воображение девятилетнего мальчика и пробудило в нем бессознательный дух подражания и авторства».

Таким образом, судя по контексту воспоминаний Павлицевой, де Местр знал Пушкина тогда, когда тот был девятилетним мальчиком. Французский писатель, по ее мнению, наряду с другими литераторами оказал даже некоторое влияние на пробуждение поэтического таланта брата.

О Ксавье де Местре в русских источниках сообщалось немало противоречивых и неверных сведений [13]. Сравним поэтому рассказ Павлицевой с теми надежными биографическими данными, которые приведены в редкой книге М. Лескюра⁴².

Автор широко использовал переписку братьев де Местр – главным образом письма графа Жозефа⁴³. Согласно Лескюру, Ксавье де Местр проделал Итальянскую кампанию Суворова (1799) в качестве пьемонтского офицера⁴⁴, прикомандированного к его штабу. Затем вместе с полководцем он уехал в Россию и с разрешения своего короля Виктора-Амедея поступил на русскую службу в чине капитана. Соответствующий приказ датирован 5 января 1800 года. 22 января 1802 года он вышел в отставку и поселился в Москве, где открыл художественную мастерскую (*atelier*) картин и портретов. В марте 1805-го, по ходатайству брата, сардинского посланника, Ксавье де Местр был назначен директором библиотеки и музея Адмиралтейства и уехал в Петербург⁴⁵.

В доме Пушкиных он мог бывать в течение трех лет (1802–1805). В момент отъезда Ксавье де Местра из Москвы поэту не было еще и шести лет. Вряд ли писателя мог интересовать неповоротливый молчаливый мальчик, который, по словам Павлицевой, в это время «не обнаруживал ничего особенного».

---

⁴⁰ Воспоминания о детстве А.С. Пушкина (со слов О.С. Павлицевой), написанные в С.-Петербурге 26 октября 1851 года // *Лет. ГЛМ*. Кн. I. С. 452.

⁴¹ «Путешествие вокруг моей комнаты» (*фр.*). Эта книга была впервые издана в Турине в 1794 году. В России де Местр закончил вторую часть этого сочинения «*Expédition nocturne autour de ma chambre*» («Ночное путешествие вокруг моей комнаты»).

⁴² *Lescure M. Le comte Joseph de Maistre et sa famille. 1753–1852. Etudes et portraits politiques et littéraires (Лескюр М. Граф Жозеф де Местр и его семья. 1753–1852. Очерки, политические и литературные портреты)*. Paris, 1892 (*фр.*).

⁴³ Надежными можно считать именно данные, приведенные в этой переписке. В остальном тексте книги Лескюра немало хронологических и иных ошибок – он, например, постоянно путает имена сестер Гончаровых.

⁴⁴ Пьемонт именовался также Сардинским королевством.

⁴⁵ Позднее он снова вернулся на военную службу, проявил незаурядную храбрость и был ранен при осаде Ахалциха.

Возможно, однако, что завсегда́тай дома Пушкиных изобразил маленького Александра в одном из альбомов, которые я видел в Бродянах. Недатированных карандашных набросков портретов детей там немало.

Мы не знаем, встречался ли де Местр с юным поэтом в его послелицейские годы. Может быть, и встречался... Около 1817 года (Лескюр не указывает, когда именно) генерал-майор граф Ксаверий Ксаверьевич⁴⁶ де Местр вторично и на этот раз окончательно вышел в отставку. В 1816 году он еще состоял на службе в городе Або (Финляндия). Прожив некоторое время в Москве, де Местр затем надолго поселился в Петербурге на набережной Мойки.

Наличие в его альбоме портрета молодого Льва Сергеевича, жившего вместе с родителями, показывает, что отставной генерал, видимо, возобновил в столице знакомство с семьей Пушкиных – когда именно, сказать пока, к сожалению, нельзя.

Портрет «Левушки», судя по его внешнему виду, нарисован около 1824 года, – во всяком случае, после высылки поэта из Петербурга (6 мая 1820 года). Позднее де Местр встречаться с Пушкиными не мог – в 1825 году он надолго уехал за границу и вернулся в Россию только в 1839 году.

Лескюр (с. 366) приводит отрывок из письма Ксавье де Местра к его другу Марселлюсу (Marcellus) от 4 апреля 1839 года, посвященный дуэли и смерти Пушкина: «Эти несчастные новости немало способствовали обострению болезни Софии (М-ме де Местр). Они ее очень огорчили; это ужасная история, сути которой мы даже точно и не знаем. Бедную вдову ни в чем не упрекают – все ее несчастье произошло из-за того, что она была очень красива и за ней очень много ухаживали. У ее мужа была горячая голова, его противник...⁴⁷ никто не был в действительности влюблен. Все сделало оскорбленное самолюбие. Она уехала в деревню с моей свояченицей Екатериной⁴⁸, всегда готовой пожертвовать собой для других... Вы прочли в газетах, что император пожаловал его вдове пенсию в 1000 рублей; кроме того он сложил долг за имение (*une terre*), заложенное в казну (*a la couronne*), и приказал издать полное собрание сочинений великого поэта, доход от которого поступит в пользу вдовы».

Ксавье де Местр скончался 12 июня 1852 года в Стрельне близ Петербурга, где гостил у Ланских на даче. Старый писатель скончался на исходе восьмидесятидевятiletия (родился 8 ноября 1763 года). Его архив, если он где-нибудь сохранился, может оказаться весьма интересным для биографов Пушкина.

Заканчивая это длинное отступление, упомяну еще о том, что в числе литературных источников «Кавказского пленника» Пушкина в старой литературе указывали и «Кавказских пленников» Ксавье де Местра. Б.В. Томашевский, однако, справедливо считает, что «простое поверхностное знакомство с этим популярным рассказом должно было бы без всякого дополнительного анализа убедить, что ничего общего рассказ и поэма между собой не имеют»⁴⁹.

Вернемся теперь в Бродяны. Чем же, однако, объяснить, что там находится часть наследия де Местра? Альбомами оно не ограничивается. В замке есть большой портрет писателя в глубокой старости. Кроме того, Вельсбург показал мне том стихотворений В.А. Жуковского с русской дарственной надписью: «Графу Местру от Жуковского. В знак душевного уважения».

Ксавье де Местр был женат на тетке Александры Николаевны, но вряд ли причина в этом не очень-то близком свойстве. В большой гостиной мне показали три портрета первой жены Густава Фризенгофа, Натальи Ивановны, урожденной Ивановой [14]. Происхождение этой красивой женщины южного, явно нерусского типа довольно загадочно? В замке сохрани-

⁴⁶ В России Ксавье де Местра официально именовали графом. Титул «шевалье», который он носил на Западе как младший брат графа, у нас не был в употреблении. Русским именем и отчеством его шутя назвал в одном из писем брат Жозеф.

⁴⁷ Многоочие в тексте Лескюра.

⁴⁸ Фрейлина Екатерина Ивановна Загряжская, сестра Софии Ивановны де Местр и Натальи Ивановны Гончаровой.

⁴⁹ *Томашевский Б.В.* Пушкин. Книга первая (1813–1824). М.—Л., 1956. С. 394–395.

лось предание о том, что она была дочерью самого Александра I. В свое время ее удочерила София Ивановна Ксавье де Местр. На царя она, надо сказать, нисколько не похожа, но ее сходство с писателем сразу же бросилось мне в глаза. Я вспомнил, что у него была внебрачная дочь, которую де Местр очень любил. С разрешения хозяев беру со стола акварельный портрет Натальи Ивановны работы L. Fischer (1844) и сравниваю с портретом старика писателя. Никакого сомнения – отец и дочь! Присутствующие со мной соглашаются. Таким образом, София Ивановна удочерила вовсе не царскую дочь, а просто внебрачного ребенка своего мужа. Много запутанных нитей, пушкинских и околопушкинских, тянется к этому замку на берегу Нитры. Одну удалось только что распутать, а сколько их остается!..

И еще об одном портрете надо рассказать. Недавняя очень удачная фотография герцогини Ольденбургской. Глубокая старуха сидит на коне по-мужски. Она похожа на мать – такой же пристальный взгляд, как у Александры Николаевны, но лицо доброе. Судя по всем рассказам, владелица Бродяж действительно была доброй женщиной. В деревне ее любили и вспоминают тепло.

Я провел несколько часов среди давно умерших родных и знакомых поэта. Многих из них я знал лично и чуть не с детства. Много о них читал. Но в этом замке воспоминаний я увидел их по-новому, как не видел еще никто из писавших о Пушкине. Незабываемые бродяжские часы...

Мы ужинали при свечах. Все было как во времена Александры Николаевны. На столе скатерть из русского льна, искрящийся богемский хрусталь, массивное серебро из приданого шведской принцессы Ваза вперемежку с серебряными вещами с монограммой «А. Г.». В полусумраке чуть видны портреты – Дантес, Жуковский, «русские гравюры» с забытыми людьми. Воспоминания, воспоминания...

После ужина долго беседуем в малой гостиной. В разных местах комнаты мягко горят свечи.

Я сижу в старинном глубоком кресле. Рассказываю хозяевам о бурных годах, о боях на Карпатах, о прорыве Буденного к Перекопу. Им это интереснее далеких околопушкинских воспоминаний. Но все мои мысли здесь, в Бродяжах...

Вот здесь, в этой комнате, в этих самых креслах, три четверти века тому назад сживали две стареющие женщины – генеральша Ланская и ее сестра [15]. О чем они говорили, о чем думали? Опустила ли Наталья Николаевна глаза, увидев впервые портрет Дантеса? Или его убрали на время перед приездом Ланской? [16]

Утром, как и накануне, солнечно, но холодно – весна в этом году запоздала. После кофе Вельсбург пригласил меня пройтись по парку. Он невелик, но красив. Хорошо распланирован в английском вкусе и немного напоминает Павловск. Старые толстые деревья – липы, дубы, ясени, вязы, лужайки с видами на замок. Немного позднее здесь зацветет сирень. Не помню, где я еще видел такие огромные кусты. Вероятно, им не менее ста лет. Может быть, любуясь ими, Александра Николаевна невольно вспоминала гончаровское имение – Полотняный Завод. И небольшая белая беседка с ампирическими колоннами, можно думать, построена по ее желанию или по просьбе первой жены Фризенгофа Натальи Ивановны – в Средней Европе ампирических построек почти нет.

Замок – охряно-желтое трехэтажное строение – не очень велик и совсем не роскошен. Скромная резиденция небогатых помещиков [17]. Не зная архитектуры, вида здания описывать не берусь. Оно красиво, но единого стиля, во всяком случае, нет. Создавался замок на протяжении многих веков. Некоторые помещения нижнего этажа, по преданию, построены еще в XI столетии, главный корпус, вероятно, в VII, другая часть в половине XVIII, а библиотечный зал пристроен уже в XIX. В нижнем этаже помещаются апартамент для гостей и службы, во втором – жилые комнаты. В третьем я не был, кажется, там комнаты для прислуги.

Вокруг замка долго сохранялся ров, но барон Густав, купив в 1846 году Бродяны у прежних владельцев, венгерских аристократов Brogyanú, велел засыпать этот остаток тревожной старины.

Об обстановке замковых покоев я уже говорил. Она почти целиком старинная. Сохранилось и немало вещей, принадлежавших Александре Николаевне: ее бюро работы русских крепостных мастеров, к сожалению, переделанное, несколько икон, столовое серебро, печати с гербами Гончаровых и Фризенгофов, под стеклянным колпаком маленькие настольные часы – очень скромный свадебный подарок императрицы Александры Федоровны фрейлине Гончаровой.

Из парка мы поднимаемся на холм к часовне. Его когда-то голые склоны Наталья Густавовна велела засадить соснами. Теперь это уже большие деревья. Место для семейной усыпальницы герцог Элимар выбрал живописное. Внизу виднеются замок и парк, уходит вдаль долина речки Нитры. Синеют невысокие здесь словацкие горы.

Вельсбург открывает склеп. Первым от входа на бетонном постаменте стоит серебристый с золотом гроб с немецкой надписью на щитке:

БАРОНЕССА АЛЕКСАНДРА ФОГЕЛЬ ФОН ФРИЗЕНГОФ,
УРОЖДЕННАЯ ГОНЧАРОВА
1811
9 VIII 1891

Итак, Александра Николаевна скончалась восьмидесяти лет от роду⁵⁰ в последнем десятилетии прошлого века. С глубоким волнением я поклонился праху той, которая была так близка Пушкину.

О том, как проходила жизнь Александры Николаевны за границей, мы знаем очень мало. Я надеялся расспросить об этом ее дочь, но, как уж было упомянуто, мне не пришлось встретиться с герцогиней Натальей.

В своих воспоминаниях А.П. Арапова упоминает лишь, что, поселившись после выхода замуж в Вене, тетка однажды приняла приглашение на званый обед к голландскому посланнику Геккерну и этим очень огорчила Наталью Николаевну. Рассказывая довольно подробно о пребывании матери у сестры в «Венгрии» (т. е. в неназванных Бродянах) в 1862 году, она ничего не говорит о хозяйке замка.

Некоторые сведения о последних годах Александры Николаевны имеются в воспоминаниях евангелического епископа Пауля Геннриха, который, будучи молодым священником, в течение ряда лет (1887–1896) состоял учителем детей Натальи Густавовны⁵¹. Он постоянно встречался с ее матерью и, очевидно, ввиду отсутствия православного духовенства, хоронил ее в Бродянах. Однако все свое внимание священник-учитель, видимо, уделял не ей, а ее дочери, женщине, несомненно, очень незаурядной. Последняя хотя и была окрещена (вероятно, в Вене) по православному чину, но по своему мировоззрению являлась скорее лютеранкой. Замковый проповедник считал, кроме того, что она, «как это часто бывает с художественно одаренными натурами, склонялась к пантеизму».

Приходится пожалеть о том, что «старой баронессе» в книге Геннриха посвящено, в общем, немного строк. Описывая свое прибытие 10 ноября 1887 года в замок Эрлаа близ Вены, где жил тогда с семьей герцог Элимар, автор говорит, что за обедом он познакомился «с роди-

---

⁵⁰ Впоследствии я выяснил в Праге, что дата смерти Александры Николаевны давно указывалась в «*Taschenbuch der freiherrlichen Häuser*» («Справочная книжка баронских родов»), но это издание, видимо, не было использовано русскими исследователями.

⁵¹ *D. Paul Gennrich. Erinnerungen aus meinem Leben. Jahrbuch der Synodalkommission und des Vereines für ostpreussische Kirchengeschichte (Д. Пауль Геннрих. Воспоминания из моей жизни. Ежегодник Синодальной Комиссии и Общества изучения восточно-пруссской церковной истории). Königsberg, 1938 (нем.).* Благодарю А.М. Игумнову за присылку обширных выписок из этой очень редкой книги, которой, по-видимому, нет в книгохранилищах СССР. Страницы книги в выписках не указаны.

телями герцогини – бароном Фризенгофом, изящным старым господином, который состоял на австрийской дипломатической службе и, обладая знаниями в самых различных областях, умел очень интересно говорить, и его женой, бывшей придворной дамой русского двора и свояченицей поэта Пушкина⁵². У нее уже несколько лет был левосторонний паралич. Говорила она обычно по-французски, но немецкому кандидату (богословия. – *Н.Р.*) все же сказала несколько исковерканных немецких слов».

Характеризуя своих учеников – внука Александры Николаевны Александра и внуку Фреду (Фредерику), Геннрих упоминает о том, что «родители, и в особенности герцогиня, не слишком заботились о детях, которых они в большинстве случаев видели только за столом. Они к тому же зачастую неделями отсутствовали во время поездок. Впоследствии герцогиня сама жалела о том, что дети таким образом всецело оставались на попечении бабушки».

Из воспоминаний А.М. Игумновой мы узнаем и причину материнского недовольства: «В последние годы своей жизни Александра Николаевна не могла ходить, и ее возили в кресле. Внуки выросли при ней, и она, по словам Натальи Густавовны, их очень избаловала».

Как видно, Александра Николаевна, которой в то время исполнилось уже 76 лет, была не очень хорошей воспитательницей. Какие у нее были отношения с властной и решительной дочерью в более ранние годы⁵³, мы пока не знаем, но о закате жизни Александры Николаевны сдержанный и благожелательный автор воспоминаний говорит не без грусти: «Настоящей близости с матерью благодаря этому у них (детей) так и не образовалось, так как – независимо от разницы темпераментов – старая дама, в последние свои годы ставшая очень чудаковатой [18], не воздерживалась при детях от критики их матери, с которой она часто бывала несогласна».

Вот то небольшое, что мы узнаем непосредственно об Александре Николаевне из воспоминаний Пауля Геннриха.

Когда баронесса скончалась, ее временно похоронили на кладбище деревни Бродяны рядом с недавно умершим мужем, так как семейная усыпальница еще не была достроена. В октябре 1894 года оба гроба торжественно перенесли в склеп.

Бедные конкретными сведениями об Александре Николаевне воспоминания замкового священника зато подробно воссоздают ту обстановку, в которой доживала она свой век. Они дают также возможность ближе присмотреться к ее дочери, которая во многих отношениях была интеллектуальной копией матери.

Наталья Густавовна представляет для нас известный интерес именно как своего рода отображение свояченицы Пушкина Александры Николаевны.

О средней из трех сестер Гончаровых написано немало, но ее духовный облик все еще нельзя считать вполне ясным.

Посмотрим поэтому, как автор воспоминаний описывает герцогскую резиденцию и ее хозяйку, которую он близко знал в течение почти полувека (последний раз Пауль Геннрих был гостем Натальи Густавовны в 1933 году).

В Бродяны переселялись только на лето. Обычно семья жила в приобретенном герцогом двухэтажном замке Эрлаа близ Вены. После замужества дочери Фризенгофы также проводили там большую часть года. По словам Геннриха, «это большое, довольно безвкусное строение, которое, как говорят, некогда было построено для принца Евгения Савойского⁵⁴. Лучшее, что было в имении, – это очень большой парк с прекрасными старыми деревьями, обширными полянами, прудом, искусственными развалинами и гротами».

---

⁵² Имя Пушкина в книге Геннриха упоминается только один раз.

⁵³ Наталья Густавовна вышла замуж в 1874 году, когда матери было 63 года.

⁵⁴ Н.Г. Ольденбургская не любила Эрлаа и впоследствии, овдовев, перевезла большую часть коллекции в Бродяны. Перед Первой мировой войной она продала замок. Во Вторую мировую войну 1939–1945 годов замок уцелел. До настоящего времени замок Эрлаа никем не обследован.

Герцог, несмотря на то что из-за женитьбы на Наталье Густавовне ничего не получал из доходов Ольденбургского дома, был богат, так как унаследовал после своей матери, великой герцогини Цецилии, очень крупное состояние.

Боевой офицер австро-прусской войны 1866 года и Франко-прусской 1870–1871 годов, он, выйдя в отставку, жил главным образом литературными и художественными интересами. Под псевдонимом Антон Гюнтер написал ряд комедий, хотя по натуре был скорее меланхоликом. Сочинил, кроме того, несколько песен и дуэтов.

И муж и жена много музицировали. «Герцогиня хорошо играла на фортепьяно и охотно пела звучным меццо-сопрано широкого диапазона. Герцог также играл на фортепьяно и фисгармонии».

Два раза в неделю приезжал скрипач, каждый второй раз его сопровождал виолончелист. Особенно охотно исполняли Бетховена и Шуберта. Такие же музыкальные вечера устраивались и в Бродянах. В обоих замках на них бывали постоянные гости, живавшие там зачастую неделями.

Можно думать, что и Александра Николаевна с удовольствием присутствовала на этих музыкальных собраниях. В молодости она, несомненно, любила музыку. Во второй половине декабря 1835 года писала брату Дмитрию: «Ты, наверное, знаешь, что я беру уроки пиано. Не упрекай меня за это. Это единственная вещь, которая меня занимает и развлекает. Только занимаясь моими заданиями, я забываю немножко мои горести. Это заглушает их и отвлекает меня от моих черных мыслей...»⁵⁵

Вероятно, и много лет спустя баронессе Фризенгоф были понятны музыкальные увлечения дочери и зятя.

Живя в Эрлаа, герцог и его жена, по словам Геннриха, часто ездили в близкую Вену, бывали в театрах и на концертах, посещали выставки. Обычно их сопровождал молодой замковый священник, ставший как бы членом семьи. В те годы, которые он провел в замке, немощная Александра Николаевна, конечно, не могла принимать участие в этих поездках.

Литературные интересы... Об огромной бродянской библиотеке я уже упоминал. О библиотеке замка Эрлаа Пауль Геннрих не рассказывает, но, вероятно, и она была богатой – ведь и владелец этой резиденции, и его жена – литераторы. Герцог, как мы знаем, писал комедии. Наталья Густавовна была не только художницей, певицей и музыкантшей, но и поэтессой, по словам Геннриха, высокоодаренной. Она выпустила два тома своих стихов. Будучи в Бродянах, я, к сожалению, о них не услышал, а сейчас достать эти тома (скорее, томики) невозможно...

Мы знаем из письма 1832 года, что совсем еще тогда молодая Александра Николаевна с восторженным интересом относилась к книгам и картинам соседа-помещика. Спустя шесть лет, 28 июня 1838 года, вдова Пушкина, жившая в то время вместе с сестрой в Полотняном Заводе, в письме П.В. Нащокину просила его прислать сочинения Бальзака, «чем много обяжете женскую нашу обитель»⁵⁶. Для иностранного читателя Бальзак, надо сказать, автор очень нелегкий. Чтобы одолеть его, нужно основательно знать язык и иметь привычку к чтению. Видимо, она была у обеих сестер, и вряд ли Александра Николаевна утратила ее в старости.

Была ли эта старость счастливой? Сказать пока трудно... О прочном и спокойном браке с бароном Густавом я уже упоминал, но кроме мужа были дочь и зять, с которыми Александра Николаевна прожила семнадцать лет.

По некоторым сведениям, Фризенгофы были против «неравнородного» брака дочери, и это весьма вероятно. Тем не менее с герцогом Элимаром, судя по всему, умным и достойным человеком, у них, очевидно, установились хорошие родственные отношения – иначе супруги

---

⁵⁵ Яшин М. Пушкин и Гончаровы // Звезда. 1964. № 8. С. 188.

⁵⁶ Поливанов И.Л. Из архива Л.И. Поливанова // Искусство. Журнал Российской академии художественных наук. 1923. № 1. С. 326.

не жили бы постоянно с зятем. Владельцев Бродянского поместья ведь никак нельзя считать «бедными родственниками»...

Александра Николаевна, хотя и выросла в весьма провинциальной обстановке калужского имения, потом восемнадцать лет провела в Петербурге. Еще при жизни Пушкина вошла в высшее общество столицы, потом стала свояченицей генерала Ланского, командира блестящего гвардейского полка. Придворной службы не несла, но все же состояла фрейлиной высочайшего двора. Быт герцогского замка Эрлаа сам по себе вряд ли был ей в тягость.

Думается все же, что там она была хотя и не чужой, но и не до конца своей... Навсегда уехала за границу, а в душе осталась русской женщиной, видимо, тосковавшей по родине. Была, как и многие ее современницы того же круга, воспитана на русско-французской культуре. Немецкий язык, судя по воспоминаниям Генриха, до конца жизни знала весьма плохо, а жить приходилось в среде немецкой знати, говорившей, правда, когда нужно, по-французски, но думавшей и чувствовавшей по-своему...

И совсем иностранкой была ее единственная дочь, немецкая поэтесса, в подлиннике читавшая труднейших германских философов, с матерью говорившая на «языке Европы»⁵⁷, но думавшая, вероятно, главным образом по-немецки. Германский шовинизм, видимо, был совершенно чужд этой – повторим еще раз – высококультурной женщине, по духу австрийской аристократке. Она умела говорить по-словацки и даже иногда любила надеть в Бродянах словацкий народный костюм [19].

По-словацки говорила, а родного языка матери не знала вовсе, и Россия была для нее чужой. По словам А.М. Игумновой⁵⁸, впоследствии «родными своей матери в СССР она совершенно не интересовалась и вообще была далека от всего русского. Не знала она и русского языка».

Как мы узнаем из воспоминаний Генриха, в конце жизни у Александры Николаевны были плохие, кажется, даже очень плохие отношения с дочерью. В чем их причина, автор не говорит, но можно думать, что и тогда и раньше не было настоящей духовной близости между русской матерью и дочерью-иностранкой.

И, вероятно, старая женщина, когда-то через сестру Наталью Николаевну просившая Пушкина прислать часть третью его стихотворений, порой жалела о том, что свою Наталью она даже и читать по-русски не выучила... [20]

Снова возвращаемся к моей поездке в Бродяны. Я пробыл в замке очень недолго – немногим более суток. Перед отъездом, 21 апреля, я получил приглашение снова приехать во время пасхальных каникул в будущем, 1939 году. Оно меня очень обрадовало. Заранее решил, что попрошу на этот раз разрешения привезти с собой фотографа, специалиста по портретам и музейным вещам. Буду подробно описывать, измерять, сравнивать. Быть может, познакомившись со мной поближе, хозяева замка покажут мне и архив. Очень возможно, что в нем есть письма жены поэта за 1831–1834 годы, когда сестры жили врозь. Может оказаться и многое другое, о чем заранее не догадываешься.

Моим надеждам не суждено было осуществиться. 15 марта 1939 года в Прагу вошли танки Гитлера. Чехословакия временно была разрезана на куски. Во вновь организованное немцами Словацкое «государство» я ехать не мог. Письма туда шли плохо. Переписка с Бродянами прекратилась.

Много лет я ничего не знал о судьбе замка Бродяны и хранившихся в нем коллекций. Впоследствии я получил ряд писем из Чехословакии, на основании которых в первом изда-

---

⁵⁷ Пушкин так называл французский язык (письмо к П.Я. Чаадаеву 6 июля 1831 года).

⁵⁸ *Воспоминания о Бродянах*. С. 2.

нии этой книги писал: «... замок уцелел, часть реликвий попала, к счастью, в Ленинград, а где находятся остальные – неизвестно»⁵⁹.

Сведения были неутешительными, но позднее я узнал ряд других, еще более печальных. По-прежнему ничего не известно о судьбе наиболее ценных материалов – рисунков Ксавье де Местра, альбома Александры Николаевны, большинства портретов и миниатюр [21]. Хозяева замка, покинувшие его перед концом войны, во всяком случае, ничего с собой не увезли.

Оставались на месте и архив и библиотека, но в письме в Пушкинский Дом от 5 июля 1961 года А.М. Игумнова сообщила: «В 1945 году, сейчас же после освобождения Словакии от немцев, я ездила в Бродяны вместе с А.В. Исаченко и с профессором Московского университета Н.Н. Вильмонтом, который в то время был в Советской Армии. Анны Б(ергер)⁶⁰ тогда не было в Бродянах. Мы нашли библиотеку в замке в плачевном виде, окна были выбиты, в комнате поселились голуби, которые ее сильно перепачкали. Незадолго до этого в замке были помещены румынские (королевские) солдаты, которые распорядились там по-своему. Из ценнейшей библиотеки они брали то, что им было нужно, на растопку или на папиросы, а много бумаг просто выбросили за окно. По возвращении Анна Б. нашла в куче мусора письма Фризенгофа <...>»⁶¹.

Прошло еще двадцать лет. Бродянский замок совершенно обветшал. Все, что можно было унести, унесено, в том числе и книги.

Иозеф Бардун пишет в своей словацкой статье о том, что не только замок находится в бедственном состоянии. «Парк вокруг него также изуродован. Над деревней на лесистом холме находится часовенка со склепом, в котором похоронена Александра, ее муж и их потомки. Часовенка сильно повреждена».

Однако в той же статье автор сообщает, что Окружной музей в городе Топольчанах и кафедра русского языка философского факультета Университета Коменского в Братиславе, которую возглавляет доцент Юрай Копаничак, «решили спасти бродянский замок». Предполагается не только реставрировать замок, но и «создать в нем музей, который состоял бы из отдела, посвященного А.С. Пушкину, и из более широко задуманного музея словацко-русских отношений. Кафедра русского языка рассчитывает, кроме того, «постепенно создать из замка исследовательский центр словацких русистов <...>».

Широко задуманный интересный проект оказывается, к сожалению, трудно осуществимым.

Однако, независимо от того, для каких целей – научных или культурно-общественных – будет использован восстановленный замок, его прежде всего необходимо безотлагательно отремонтировать.

Ю. Копаничак считает, что бродянский замок является «культурно-историческим памятником, рамки которого превышают узкий круг словацкой истории и касаются такой выдающейся личности, какой был Александр Сергеевич Пушкин»⁶².

В словацких журналах время от времени продолжают появляться статьи о Бродянах, авторы которых описывают печальное состояние исторического замка и настаивают на его реставрации. Опубликован ряд фотографий разрушающегося строения и опустошенных комнат.

Пока эта кампания принесла лишь незначительные результаты. Для восстановления памятного здания необходимо затратить немалые средства. А пока в Бродянах производится лишь частичный ремонт. Меньшее крыло замка, в котором помещалась библиотека, реставри-

⁵⁹ Если заговорят портреты. Алма-Ата, 1965. С. 43.

⁶⁰ Скончалась в январе 1965 года. В самое тяжелое время Анна Бергер сохранила часть бродянских реликвий.

⁶¹ Это были, несомненно, письма барона Густава к брату Фридриху Адольфу, выдержки из которых опубликовал А.В. Исаченко.

⁶² *Juraj Kopaničák*. Ruľškin a Brodziany (*Копаничак Юрай*. Пушкин и Бродяны). Slovenka, 1965. № 51–52 (*словацк.*).

ровано, и его занял бродянский Местный национальный комитет. Вестибюль комитет украсил портретом Пушкина. Так по желанию жителей словацкой деревни Бродяны изображение великого русского поэта впервые появилось в бывшем замке Александры Николаевны Фризенгоф-Гончаровой... По словам И. Бардуна, жители «гордятся своей пушкинской традицией».

* * *

Так заканчивался мой очерк, посвященный поездке в Бродяны, в первом издании этой книги. Я рассказал в нем о бывшей владелице замка Александре Николаевне Фризенгоф-Гончаровой, такой, какой я ее представлял себе на основании известных в то время материалов.

Недавно найдены и опубликованы письма сестер Гончаровых к брату Дмитрию, относящиеся к тому периоду, когда сестры жили совместно с семьей Пушкина⁶³. И хотя эти новые материалы не нарушают в целом создавшегося у меня ранее образа Александры Николаевны, однако они вносят в него ряд существенных и новых подробностей.

Оказалось, например, что издавна укоренившееся мнение о том, что Александра Николаевна по своей натуре была домоседкой и по приезде к Пушкиным приняла на себя все заботы по дому и занималась воспитанием детей поэта, – это традиционное мнение оказалось не соответствующим действительности. Как видно из писем сестер, дом вела сама Наталья Николаевна, и она же воспитывала своих детей. Никаких подтверждений домашних забот Александрины в письмах сестер мы не находим. Домоседкой она также не была.

Однако мы в дальнейшем остановимся несколько подробнее на этой находке, так как первое же петербургское письмо Александрины содержит весьма любопытные сведения.

До самого последнего времени мы знали чрезвычайно мало о том периоде жизни семьи Пушкина, когда барышни Гончаровы поселились в квартире поэта.

Напомним о том, что для лучшего устройства своих своячениц Пушкину пришлось снять квартиру на большую и из дома Оливье переехать в дом Вяземского, надолго уехавшего за границу. Пушкин, по всему судя, радушно принял своячениц, хотя вначале и не очень одобрительно отнесся к плану жены перевезти сестер к себе.

В первом же петербургском письме Александра Николаевна с благодарностью говорит об отношении Пушкина к ней. Примерно через два месяца после приезда Александрина заболела – по-видимому, довольно серьезно – и в связи с этим сообщает ряд подробностей, очень характерных для сравнения ее жизни в Полотняном Заводе с той обстановкой, которая окружала сестер в доме Пушкина. Для нас особенно ценным в этом письме является упоминание о поэте, которое лишний раз подтверждает свойственные Пушкину отзывчивость и доброту. Приведем небольшую выдержку из письма Александрины.

«Я простудилась и схватила лихорадку, которая заставила меня пережить очень неприятные минуты, так как я была уверена, что все это кончится горячкой, но, слава богу, все обошлось, мне только пришлось пролежать 4 или 5 дней в постели и пропустить один бал и два спектакля, а это тоже не безделица. У меня были такие хорошие сиделки, что мне просто было невозможно умереть. В самом деле, как вспомнишь о том, как за нами ходили дома, постоянные нравоучительные наставления, которые нам читали, когда нам случалось захворать, и как сама болезнь считалась божьим наказанием, я не могу не быть благодарной за то, как за мной ухаживали сестры, и за заботы Пушкина. Мне, право, было совестно, я даже плакала от счастья, видя такое участие ко мне, я тем более оценила его, что не привыкла к этому дома».

Весьма многозначительно письмо Александрины от конца июля 1836 года, в котором имеется тщательно зачеркнутая фраза. Ее, однако, удалось разобрать авторам книги «Вокруг Пушкина». Александра Николаевна, передавая брату просьбу Пушкина прислать писчей

---

⁶³ Ободовская И., Деметьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975. В дальнейшем – Вокруг Пушкина.

бумаги разных сортов, добавляет: «Не задержи с отправкой, потому что мне кажется, он скоро уедет в деревню». Из этого можно предположить, что у Пушкина, по-видимому, было серьезное желание увезти жену из Петербурга и таким образом прекратить флирт с бароном Жоржем, а также вообще разрядить ненормальную и чрезвычайно сложную обстановку, сложившуюся в то время в семье Пушкина. Своим намерением он, быть может, поделился с Александриной и попросил сохранить это пока в тайне. Не придав, по-видимому, вначале особенного значения своей фразе, Александрина затем тщательно ее зачеркнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.